

Олег МИТЯЕВ: "Дворник — это профессия на все времена!"

3. "В своих песнях вы часто упоминаете собак. Она у вас какой породы?"

— Если бы меня в детстве кто-нибудь спросил, кем я хочу стать, то я бы с уверенностью ответил — собаководом. Я тогда не знал, что эта профессия называется кинологом, что мне не помешало приручить всех собак в округе. Я с ними нашел общий язык, всех прикармлил. Еще я строил собакам будки, а зимой они меня на лжах возили по озеру. А когда приезжали отловщики дворняг, то я делал большое тимуровское дело — собирал всех собак и прятал.

— Странно, что я не наблюдаю собаки в вашей квартире.

— Если бы у меня жила собака, то она бы давно погибла. Такой уж у меня нестабильный стиль жизни...

— Хобби у вас есть?

— Основное мое хобби, при этом еще и оплачиваемое, заключается в том, что я пишу песни. А вот метание ножей, что звучит довольно кровожадно, сохранилось с юношеского периода.

— Откуда же столь странное увлечение?

— В детстве насмотрелся ковбойских фильмов, а потом, заточив все столовые ножи, метал их в дверь кладовки. Только давайте уточним — это вовсе не кровожадность, а просто увлечение техникой метания. Помню, как в эпоху монтажного техникума я заточил кусок проволоки и выиграл в споре, попав девять раз из десяти в пачку сигарет с расстояния в семь метров. Получил хороший немецкий штык-нож, который отец тут же куда-то спрятал.

4. "А я просто тащусь от вашей песни про выход из запоя!"

— Родители вас держали в строгости?

— Конечно! У меня очень правильные рабочие-крестьянские родители, поэтому дома не было слышно мата, и практиковалось уважительное отношение друг к другу. Хотя меня иногда поролли.

— Это за что же?

— Да мало ли за что! Например, за выстриженные ромбики на новых занавесках. Знаете, я очень благодарен своей маме. Я мог психануть по какому-нибудь поводу, выйти, громко хлопнув дверью, но тут же от нее за это получал. И для меня это оказалось правильно, потому что в дальнейшем я научился держать себя в руках.

— Вы росли в обычном дворе или, как это принято говорить, в окружении шпанов?

— Вот уж действительно, по части шпанности и мордобоя у нас был настоящий бандитский двор. Очень лихие ребята! В дальнейшем кое-кто проявил свою лихость, став, например, одиннадцатикратным чемпионом мира по хоккею. Это я про Сергея Макарова говорю. Или Сергей Стариков, тоже хоккеист, выросший в нашем дворе. Правда, он был моложе нас, и никто тогда не принимал его всерьез. Ну а другие ребята, не менее талантливые, чем Макаров и Стариков, сели в тюрьму...

— Вы, в свою очередь, тоже "лихачили"?

— Нет, у меня иначе все сложилось. Я был не очень лихой, но поскольку все ребята были для меня своими, то я их не боялся, и они меня не трогали. К тому же родители за мной тщательно следили. Даже юношеские попытки закурить тут же пресекались...

— А выпивка?

— Тут другое... Отец систематически "закладывал", поэтому с детства я знал, что это плохо. И не пил до 30 лет.

— А потом?

— А потом мы как-то загуляли с "Лицедеями"! (Смеется). Но так, конечно, тоже нехорошо... Во всем нужна мера.

— Тем не менее в ваших песнях ликеро-водочная тематика изрядно представлена...

— В нашей жизни без этого не обходится. А песни — это отражение жизни.

5. "Почему вы на концертах в одних и тех же штанах? Если хотите, мы вам новые купим. Группа студентов"

— Сколько, если не секрет, стоит ваше выступление? Вот "злые языки" утверждают, что не меньше трех тысяч долларов...

— Это очень хорошие языки. Иногда мы даже бесплатно выступаем. А у меня на родине в Челябинске, кстати, даже открыт благотворительный фонд Олега Митяева. Самое главное, я считаю, заключается в том, что гонорар должен быть адекватен.

— Про бардовскую песню в последнее время ходит много легенд и слухов. Например, что барды — это тоже мафия, а вы в ней как "крестный папа"...

— Так интересно все это слышать... (Смеется). Нет, мафии из бардов не получится. Дело в том, что каждый бард по-своему индивидуален и тем интересен. В результате получается, что нас невозможно объединить. Такие попытки делались, но ни к чему не привели.

— Может быть, дело в том, что бардовская песня умирает как жанр?

— Это музыкальные критики должны разбираться: умирает или не умирает. Лично у меня такого ощущения нет.

— А вы не боитесь остаться без куска хлеба?

— По-моему, в наше время это довольно сложно. Хотя такие вопросы время от времени, конечно, каждый человек себе задает. Примером тому может служить незабвенное 17 августа. Я в тот день для себя понял, что если что-то не так у меня пойдет с песнями, то смогу совершенно спокойно разгружать вагоны и, перетаскивая ящики, записывать какие-нибудь строчки. Но лучше всего, конечно, работать дворником. Во-первых, это благородно — ты очищаешь планету от мусора. Во-вторых, это физическая нагрузка, которой так не хватает. В-третьих, есть возможность наблюдать природу во все времена года. И самое главное — днем есть свободное время, которое можно потратить на чтение и гармоничное развитие личности.

— В целом вы производите впечатление довольно самодостаточного человека. Но, может быть, есть в вашей жизни что-то такое, чего достичь пока не удалось?

— Самого главного я достиг в момент рождения. Просто жить на белом свете уже само по себе большое счастье. А остальное счастье заключается в умении устранять те мелочи, которые мешают тебе жить...

Беседовал Андрей ТУМАРКИН.

ЧЕЛОВЕК С ГИТАРОЙ

Сегодня Олега Митяева знают везде. Ну, может быть, не совсем везде, но уж точно в тех уголках земного шара, по которому разбрелись поклонники бардовской песни. В данном стиле работает не один десяток авторов, но фамилия Митяев — всегда на слуху. "Французенка", "Давай с тобой поговорим", "Соседка", "Песня для старшей дочери", "Лето, это маленькая жизнь", "С добрым утром, любимая!"...

Митяева очень сложно поймать в Москве. Перед интервью, накануне его 45-летнего юбилея, мы несколько раз созванивались, и Олег извинялся: "Сегодня встретиться не сможем — только что вернулся с гастролей. Завтра утром опять улетаю на концерты. Потом вернусь на пару дней и снова уеду..."

Наша встреча, однако, состоялась. Сидим на кухне, рядом гитара и записки, которыми Олега просто в невероятном количестве забрасывают восторженные поклонники.

1. "Олег, на какие оценки вы учились или вы по жизни только на гитаре играть умеете?"

— Как выясняется, я крайне замедленного развития человек. Я не был готов даже к программе первого класса — получал только "колы" и "пары". Потом, пройдя через совершенно изнурительные мучения, я к восьмому, наверное, классу вышел на "тройки" и "четверки". Так что самой большой радостью в школе для меня были каникулы и перемены...

— Как же вы с такой "любовью" к знаниям отважились поступить в монтажный техникум? Да еще и на специальность "монтаж электрооборудования промзданий"?

— Из-за любви к песне "Марш монтажников". Я тогда подумал: "Вот это работа! Вот это жизнь!". Но потом столкнулся с сопротивлением, с другими точными науками и загрустил... К тому же ездить на занятия приходилось к восьми утра через весь морозный Челябинск! Но тут я для себя сформулировал: "Надо брать себя в руки! Если я сейчас не привыкну работать, то все пойдет прахом...". И ходил на занятия, получал какие-то оценки, очень четко при этом понимая, что все это не мое...

— Чем-нибудь еще то время вам запомнилось?

— Можно сказать, что у меня монтажный техникум переключился со двора, где тогда ребята начинали играть на гитаре. Одной на всех. Сначала на ней было две струны, и все играли "Цыганочку". Потом появились остальные струны, и пошли маленькие и большие "звездочки", "лесенки", "барре", "Гимн восходящему солнцу" и весь набор песен тех лет: "От меня до тебя шагать", "Синий-синий иней" и т.д. Еще я увлекся плаванием, даже стал перворазрядником, но тут внезапно наступила армия.

— Армия, по-моему, внезапно не наступает...

— А у меня наступила. Я активно занимался спортом, плавал, и как-то мне обещали, что без армии обойдется. А в итоге получилось так, что вечером я еще тренировался, а утром оказался налысо обритым. Служить мне выпало в трудном месте (делает загадочную паузу) — в городе Москве... Я охранял адмирала флота Советского Союза, был матросом и носил морскую форму.

— Моряк без моря...

— Два года службы пролетели впустую. Я ведь тогда не знал, что буду писать песни, иначе во время службы уже стал бы что-нибудь сочинять.

— Так когда же вы написали самую первую песню?

— В 79-м году. После армии я поступил в институт физкультуры, на факультет плавания, естественно. И однажды, во время лекции по плаванию, на свет появилась песня "Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались". Вторая песня, "Волшебные дома", появилась только через год, в тот момент, когда я шел из родительского дома — у меня родился сын. И все последующие вещи тоже случайны. Когда вышел мой первый альбом "Давай с тобой поговорим", в него вошли песни, написанные за 10 лет.

Кажется, что все это было очень давно. Какие-то записки на "совковых" аудиокассетах, которыми мои родители обменивались со своими друзьями, простые и добрые песни, которые они пели в лесу у костра, и, конечно же, финальный мотив, который исполняли в несколько голосов: "Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...". "Кто написал эту песню?" — иногда спрашивал кто-то. "Олег Митяев..."

— В институте физкультуры у вас оценки были получше, чем в школе?

— Поразительно, но закончил я его с отличием. У меня не было ни одной четверки, и я получал Ленинскую стипендию. При этом я не так уж блистал знаниями, сколько играл образ знающего человека. Тогда и подумал: "А не актерская ли профессия мне уготована?". Практически все знакомые тогда утверждали, что я учусь не там, где надо.

— И в результате вы поступили в ГИТИС...

— ...где мы встретились с Михаилом Евдокимовым. Свое мастерство мы с ним друг на друга оттачивали в курсовых спектаклях. Потом я снялся в нескольких кинокартинах, но образ у меня там был практически один и тот же — человек с гитарой. Вот, теперь вы видите, что ни одно из моих образований мне не пригодилось, потому что в результате я пишу песни и выступаю, где попросят.

— Это означает, что с актерской карьерой покончено навсегда?

— Сейчас поступают какие-то предложения: как в телевизионных фильмах сниматься, так и в художественных. Но я соглашусь только в том случае, если картину будет делать очень уважаемый мною режиссер. Например, Георгий Данелия или Петр Тодоровский.

— Песни вы пишете уже с добрый десяток лет. Не надоело, если честно?

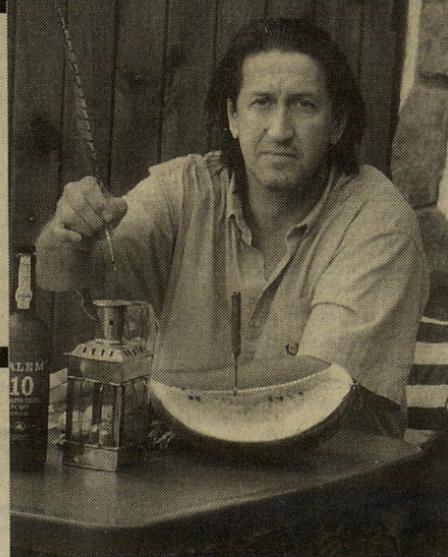
— Мне, к сожалению, не так часто это удается. Так, чтобы сесть и, как вы говорите, что-нибудь пописать. А в целом это занятие мне очень нравится. Даже кажется порой, что это идеальная форма жизни. Потому что писать — это для меня значит бездельничать: читать, встречаться с друзьями, подолгу с ними беседовать. Иногда выступать...

Хотя, вы знаете, моих концертов, откровенно говоря, могло бы быть и поменьше. Но когда собираются полные залы и я знаю, что люди меня ждут, приходится ехать и выступать.

2. "Глаза у вас всегда такие грустные-грустные. Это ваше обычное состояние?"

— Олег, недавно вам исполнилось 45. И, безусловно, рано подводить итоги, но вот одна из ваших песен называется крайне пессимистично — "Неутешительные выводы". К чему бы это?

— Итогоги не надо подводить, поскольку это слишком никчемное занятие. Итого подведут, когда тебя не станет. И все расставят по местам. Или не расставят... А что касается песни "Неутешительные выводы", то она совсем по другому поводу была написана. Давайте не будем уточнять — гораздо важнее, что думают те люди, которые ее слушают.

— Говорят, что если в песне человек полностью раскрывает свою душу, то в обычной жизни он, наоборот, старается избежать внимания к своей персоне...

— Наверное, и я этого не избежал. Дело в том, что в песнях это исключительная ситуация — быть искренним. У меня есть время подумать, что я говорю. А в жизни довольно часто мы не можем избавиться от ответственности за то, что произносим вслух. Знаете, меня всегда удивлял Булат Окуджава. Он никогда не менялся. Он оставался самим собой, и как я позже понял, это было и в его поведении, и в его взглядах. Он оставался искренним даже тогда, когда искренность могла ему повредить. По большому счету, это безусловно привилегия интеллигентного человека.

— Ну а вы способны быть по-настоящему искренним?

— Не всегда... Есть, например, личная жизнь, о которой не хотелось бы рассказывать. Или же вещи, которые не хочется произносить, потому что люди решат, что ты хочешь себя приукрасить.

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— Очень многие, начиная от Володиной, уже сказали: "Стыдно быть несчастным...". Видимо, я лирик. А лирики поэтизируют окружающую действительность. Поэтому вся наша жизнь, вместе с кровью, навозом, лепестками яблони и свежим морозным воздухом, доставляет мне колоссальное удовольствие. Единственное, что мешает радоваться, так это то, что не все лирики. И слишком много горя вокруг.

— Странно, что при этом в вашем творчестве регулярно проскальзывает образ одинокого молодого человека...

— Да. Это даже один немец в свое время подметил. У меня в Кельне должен был выйти компакт-диск, и к нему решили выпустить специальный вкладыш с поэтическим переводом каждой песни. Сначала немецкие студенты готовили подстрочник, а потом поэт Алекс Пиотровский на их основе сделал перевод. И один из студентов тогда сказал: "Во всех песнях приблизительно один и тот же сюжет. Лирический герой осенью сидит на вокзале и либо кого-то встречает, либо куда-то уезжает сам..."

— Вы согласны с этим?

— В действительности я никогда не задумывался, каким будет сюжет новой песни.

Митяев Олег

140501